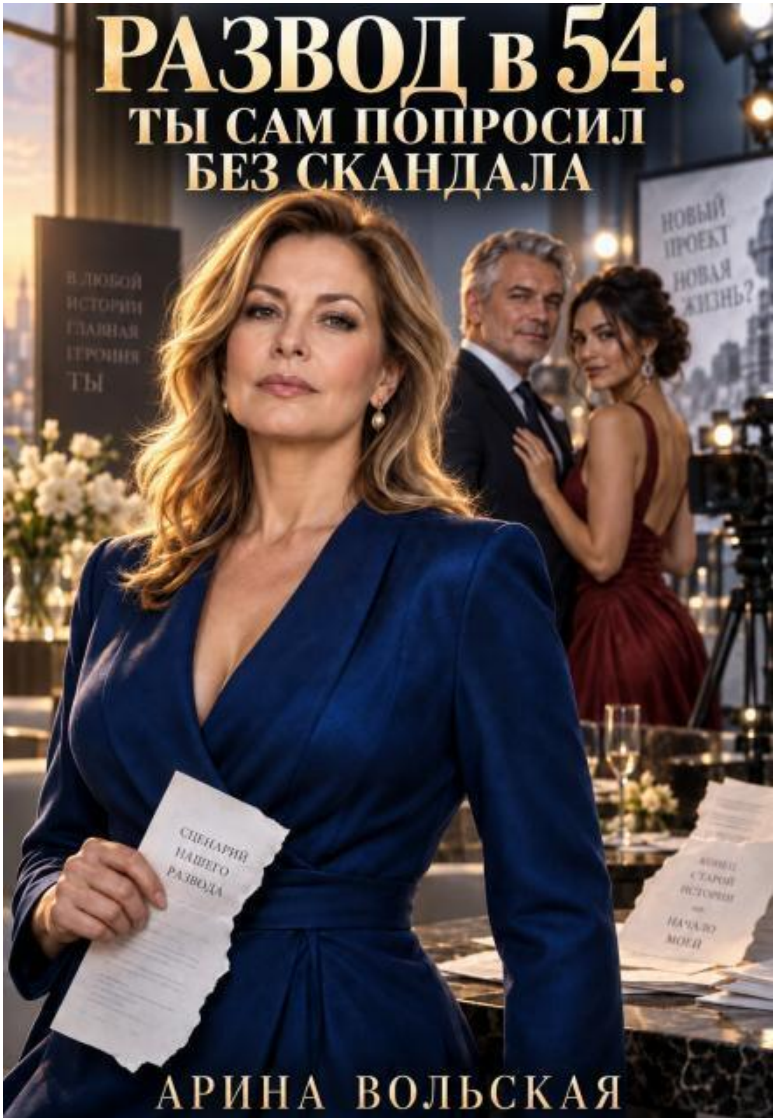

РАЗВОД в 54.
ТЫ САМ ПОПРОСИЛ
БЕЗ СКАНДАЛА
В ЛЮБОЙ ИСТОРИИ ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ ТЫ
НОВЫЙ ПРОЕКТ
НОВАЯ ЖИЗНЬ?
СЦЕНАРИЙ НАШЕГО РАЗВОДА
АРИНА ВОЛЬСКАЯ

Арина Вольская
Развод в 54: Ты Сам Попросил Без Скандала

https://litres.ru/74713624

Аннотация

Мне пятьдесят четыре, и за четыре дня до тридцатой годовщины свадьбы муж сообщает, что у него другая женщина. Но Денис принёс домой не только новость о разводе: он уже выбрал для меня тесную квартиру, решил оставить себе наш дом и написал сценарий, в котором я должна поблагодарить его за «достойное расставание».

Мой муж — известный консультант по семейным конфликтам, поэтому даже собственное предательство он собирается превратить в прибыльный проект. Его любовница займётся съёмками, наш сын подтвердит, что решение было общим, а я улыбнусь перед камерой и произнесу приготовленные за меня слова. Денис уверен: после тридцати лет брака я по привычке уступлю, лишь бы не разрушать семью окончательно.

Только на этот раз он ошибся. Я откажусь быть удобной бывшей женой, заставлю его публично признать ложь и заберу свою жизнь обратно — вместе с домом, голосом и правом снова любить. А когда Денис поймёт, что потерял не

надоевшую женщину, а человека, на котором держался весь его благополучный мир, просить начать сначала будет уже поздно.

Содержание

Глава 1. Подарок к годовщине 5
Глава 2. Улыбнитесь здесь 26
Глава 3. Тридцать лет за одним столом 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Глава 1. Подарок к годовщине

У запонки оказался холодный, чуть острый край, и Елена в третий раз за дорогу приоткрыла коробочку, чтобы проверить, не зацепился ли за него бархат. В магазине всё выглядело безупречно, но там продавщица держала украшение на ладони, под лампой, а теперь тёмный перламутр почти сливался с подкладкой. Она повернула коробочку к фонарю у калитки, увидела ровный серебряный ободок и наконец защёлкнула крышку. Хорошие. Денису должны понравиться; он в последнее время часто надевал ту белую рубашку, для которой обычные запонки казались слишком тяжёлыми.

Пакет пришлось перехватить другой рукой, чтобы достать ключи. После последней примерки ныл большой палец: актриса крутилась перед зеркалом, не слушая просьб постоять спокойно, и Елена всё-таки загнала иглу глубже, чем следовало. На работе она только вытерла кровь, заклеила палец и продолжила подгонять рукав, зато сейчас, на прохладном воздухе, под пластырем отчётливо пульсировало. Елена прижала пакет к боку, толкнула калитку коленом и подумала, что дома первым делом снимет туфли. Потом можно будет выпить чаю и поговорить о поездке, пока Денис не ушёл в кабинет.

До субботы оставалось четыре дня. Тридцать лет назад они тоже расписывались в субботу, только тогда с утра шёл

настоящий ливень, и мать Дениса всю дорогу до загса переживала за причёску. Сам он, промокший, смеялся и держал над Еленой чужой складной зонт, с которого прямо на фату стекала вода. Она вспомнила его мокрый рукав, прижатый к её голому локтю, и улыбнулась, поднимаясь на крыльцо. Надо будет всё-таки найти ту фотографию, где они стоят возле машины, а Денис закрывает ладонью испачканную штанину, уверенный, что никто не заметит.

В прихожей пахло поджаренным хлебом и чем-то лимонным. Елена остановилась, ещё не успев расстегнуть пальто, и прислушалась: из кухни доносился звон посуды, телевизор не работал, дверь кабинета стояла открытой. Обычно в это время Денис заканчивал звонки и просил её не шуметь чайником. Сегодня он вышел сам, забрал у неё сумку и даже потянулся к воротнику, помогая снять пальто.

— Ты рано, — сказала Елена, освобождая руку из рукава. Она хотела поцеловать его в щёку, но он уже повернулся к вешалке, и пришлось сделать вид, будто она просто поправляет волосы. — Или я поздно? Мы сегодня с этим платьем чуть не до вечера просидели. Завтра опять придётся смотреть, как оно ведёт себя на сцене.

— Нормально ты пришла. Я как раз всё приготовил, — ответил Денис, аккуратно расправляя её пальто на плечиках. Он заметил маленький пакет, который она не выпустила из руки, но ничего не спросил. — Проходи, Лен. Поешь сначала, ты наверняка опять с утра на одном кофе.

На кухне горели обе лампы над столом. Денис поставил её любимую чашку с тонкой синей полосой, достал маленькую тарелку для лимона, нарезал хлеб и сыр; возле его места лежала серая папка, прижатая телефоном. Елена положила подарок на свободный стул и машинально посмотрела на плиту, ожидая увидеть что-нибудь подгоревшее. Ничего не подгорело. Даже крошки были смахнуты, и эта неожиданная старательность окончательно убедила её, что он тоже помнит о субботе.

— Я сегодня в магазин зашла, — начала она, садясь. В доме было тепло, но ноги никак не согревались, и Елена подобрала их под стул, потёрла лодыжку о лодыжку. — Потом покажу. А ещё посмотрела даты. Тамара сказала, после первых примерок меня на неделю отпустят, если заранее предупредить. Не обязательно ведь надолго, Денис. Хоть на несколько дней к морю.

Он налил ей чай, придерживая крышку чайника большим пальцем. На костяшке у него белела старая полоска шрама: когда Андрей был маленьким, Денис разбил чашку, вытаскивая из мойки, и потом ходил с нелепо перебинтованной рукой. Елена следила за этой знакомой рукой, за спокойным движением чайника, и уже прикидывала, какие вещи возьмёт с собой. Купальник, наверное, придётся купить новый. Старый ещё вполне приличный, но они всё-таки едут отмечать годовщину, а ей пятьдесят четыре, и можно хоть однажды перестать убеждать себя, что всё необходимое уже есть

в шкафу.

— С поездкой пока не надо торопиться, — произнёс Денис. Он поставил чайник, перевернул телефон экраном вниз и сел напротив, не придвинув к себе тарелку. — Я хотел сначала поговорить. Поэтому и постарался сегодня закончить пораньше, чтобы нас никто не дёргал.

— Опять работа? — Елена взяла лимон двумя пальцами, выжала в чай и тут же почувствовала, как сок попал под край пластыря. Она поморщилась, вытерла палец салфеткой. — Если у тебя эти встречи, мы можем позже. Я ведь не говорю, что обязательно в субботу надо куда-то лететь. Просто выбрать уже, когда.

— Лена, дело не в поездке. — Он говорил медленно, глядя ей в лицо с тем вниманием, которое она привыкла видеть, когда кто-нибудь из знакомых начинал жаловаться ему на домашние ссоры. — У меня есть другая женщина. И я хочу, чтобы мы с тобой расстались.

Елена продолжала держать салфетку возле пальца. Из-под смятого края свисала узкая бумажная полоска, прилипшая к влажной коже, и она никак не могла понять, почему Денис молчит дальше. Может быть, она пропустила начало фразы. На работе сегодня весь день шумели, кто-то передвигал стойки, хлопали двери, к вечеру даже в ушах звенело. Она посмотрела на его чашку, потом снова на него и осторожно положила салфетку на стол.

— В каком смысле — расстались? — спросила она. Голос

получился обычный, почти такой же, каким она уточняла у актрисы, в каком месте тянет рукав. Елена даже выпрямилась, чтобы лучше его слышать. — Ты сейчас что мне говоришь, Денис?

— То, что давно нужно было сказать. У меня отношения, и продолжать скрывать их от тебя было бы нечестно. — Он чуть подался вперёд, положил ладонь рядом с её рукой, но не коснулся. — Я понимаю, что это тяжело услышать. Именно поэтому хочу, чтобы мы спокойно обсудили, как будем жить дальше.

Она убрала руку к себе на колени. Под столом пальцы упёрлись в шов юбки, и Елена принялась тереть его, чувствуя под ногтем маленький узелок нитки. Вчера он звонил ей из машины и просил проверить, привезли ли корм для собаки соседей, которую они согласились кормить до пятницы. В воскресенье спрашивал, не осталось ли рубашки в химчистке. За завтраком говорил, что масло невкусное и лучше покупать прежнее. Всё это было совсем недавно, и между этими разговорами он, оказывается, уже собирался от неё уходить.

— Давно? — Елена заставила себя посмотреть ему в глаза. Денис не отвёл взгляда, только немного сдвинул брови, словно вопрос требовал особенно бережного ответа. — Не надо сейчас говорить, что мне тяжело. Я сама знаю, что мне тяжело. Ты давно с ней?

— Это не случилось вчера. Но я бы не хотел начинать с

подробностей, после которых тебе станет ещё хуже. — Он взял свою чашку, подержал и поставил обратно, так и не отпив. — Ты же понимаешь, что дело не в каком-то одном дне. Мы с тобой давно живём скорее по привычке. У каждого работа, свои заботы. Наверное, было бы странно делать вид, что ничего не изменилось.

Елена подняла голову. Ей хотелось напомнить, как две недели назад он лежал рядом, положив руку ей на живот, как она боялась пошевелиться, потому что он наконец-то уснул после тяжёлого дня. Хотелось спросить, это тоже было по привычке или он уже тогда представлял другую женщину. Но Денис смотрел так спокойно, что произнести вслух что-нибудь настолько личное вдруг стало стыдно. Она почувствовала себя глупой, слишком доверчивой, и от этого стыда начала злиться.

— Кто она? — спросила Елена. Она подвинула чашку в сторону, потому что сладковатый запах чая с лимоном неожиданно стал неприятен. — Я её знаю? Она бывает здесь?

— Давай сначала о нас. Я всё равно отвечу на твои вопросы, но если мы сейчас уйдём в выяснение деталей, то просто разругаемся. — Денис придвинул к себе серую папку, снял с неё телефон и раскрыл прозрачную обложку. — Посмотри, пожалуйста. Я не предлагаю тебе уходить с чемоданом неизвестно куда. Я подумал, как можно устроить всё без лишних потерь.

Первым листом оказалась фотография кухни с зелёными фасадами. Елена машинально отметила, что стол там стоит слишком близко к холодильнику: дверца не откроется до конца, если кто-нибудь сядет на ближайший стул. Под снимком была фотография комнаты, узкой, с диваном у стены и розоватыми обоями. Она перевела взгляд на Дениса, не понимая, зачем он показывает ей чужую мебель. Тот уже вытащил следующий лист, где та же комната была снята со стороны окна.

— Это хороший вариант, — объяснил он. Кончиком пальца Денис постучал по краю фотографии, стараясь привлечь её внимание. — Я не настаиваю именно на нём, там ещё два есть. Но здесь всё готово, не нужно ничего переделывать, можно сразу переехать. Рядом магазины, остановка, двор тихий.

— Кому переехать? — Елена провела ладонью по столу, нащупала крошку и зачем-то сдвинула её на салфетку. Денис следил за этим движением, потом снова посмотрел ей в лицо. — Ты мне квартиру выбирал? Пока я сегодня тебе подарок покупала, ты мне квартиру выбирал?

— Не сегодня, Лена. Я несколько дней смотрел, чтобы не приходить к тебе с пустыми словами. — Он произнёс это с лёгкой усталостью, как будто она придиралась к несущественному обстоятельству. — Мне казалось, ты оценишь, что я заранее подумал. Там вполне можно спокойно жить одной. И по деньгам разумно.

Елена взяла лист и прочитала адрес. До театра оттуда нужно было ехать через весь город, с пересадкой; она знала этот район, одна из швей жила на соседней улице и зимой постоянно опаздывала из-за автобусов. Ещё на фотографии не было видно, куда ставить нормальный шкаф. Денис всегда говорил, что ничего не понимает в этих женских вещах, когда она просила помочь передвинуть полку или выбрать комод, зато сейчас уже решил, какого пространства ей хватит для всей оставшейся жизни. Она положила лист обратно, стараясь не согнуть угол.

— А ты где будешь жить? — спросила она. Вопрос показался ей настолько очевидным, что Денис мог бы и сам догадаться на него ответить. Елена посмотрела на потолок, туда, где над кухней находилась их спальня, и снова опустила глаза. — Здесь?

— Здесь удобнее сохранить всё как есть. Ты знаешь, сколько у меня завязано на дом: кабинет, записи, встречи. Сейчас ещё новый проект, мы уже начали подготовку. — Он перелистнул бумаги и вытащил страницу с несколькими суммами, написанными крупно и разборчиво. — Если продавать дом, потом искать два варианта, переезжать, всё это съест время и деньги. А так у тебя будет отдельное жильё и возможность спокойно заняться собой.

Дом они когда-то выбирали совсем не для его записей. Тогда Андрей ещё ходил в школу и мечтал о собаке, а Денис, возвращаясь из тесной съёмной комнаты, где проводил

первые консультации, говорил, что ему хочется хоть иногда смотреть из окна не на чужие окна. Они продали свою квартиру, ту, где на кухонном косяке оставались карандашные отметки Андреевого роста. Елена после работы брала платья на выпускные, сидела над ними, пока строчки не начинали расплываться, и однажды уснула, не выключив настольную лампу. Денис тогда пришёл, снял с её колен ткань и осторожно перенёс на диван подушку, чтобы она не проснулась с больной шеей.

Она очень отчётливо вспомнила эту подушку — старую, с продавленным краем. Вспомнила, как они первые месяцы ели здесь за садовым столом, потому что на нормальную кухню денег уже не осталось. Денис приносил хлеб, Андрей рисовал на коробках, а она радовалась даже тому, что может открыть окно и никому не мешать поздним стуком машинки. Муж тем временем продолжал объяснять, какие расходы удастся сократить. Елена слушала его и никак не могла совместить с тем человеком, который когда-то подложил ей под голову подушку.

— Мы его вместе покупали, — сказала она наконец. Елена подняла лежавший сверху лист, но цифры сливались, и она снова положила его на стол. — Ты помнишь нашу квартиру? Помнишь, сколько мы сюда вложили? Или это всё теперь считается твоим, потому что последние годы ты больше зарабатываешь?

— Я не сказал, что всё моё. Не надо сразу переводить раз-

говор в такую сторону. — Денис выдохнул и откинулся на спинку стула. — Разумеется, ты тоже многое сделала. Я за это благодарен. Но сейчас нужно смотреть на реальные возможности. У нас нет свободных денег, чтобы просто купить второй такой же дом.

— А я прошу второй такой же? — Елена почувствовала, как голос становится громче, и впервые не попыталась сразу его приглушить. Она придвинула к нему фотографию зелёной кухни. — Ты себе оставляешь этот. А мне предлагаешь вот это, потому что мне одной хватит. Ты меня хотя бы спросил, чего я хочу?

Денис посмотрел на фотографию и аккуратно выровнял её по краю папки. Елена знала эту его привычку: перед важным разговором ему необходимо было поправить ручку, лист, чашку, любую вещь, которая стояла не совсем ровно. Раньше она даже помогала, освобождала место на столе, когда к нему приходили люди. Теперь наблюдала, как он расправляет выбранное для неё будущее, и чувствовала, что ещё немного — и она смахнёт всё это на пол. Пришлось сцепить руки под столом, чтобы не сделать именно так.

— Поэтому мы и разговариваем, — ответил он. Денис произнёс это мягко, словно она наконец задала правильный вопрос. — Ты можешь посмотреть другие варианты. Но я очень прошу тебя сейчас не принимать решений из обиды. Дом — это ещё и моя работа. Если я её сорву, лучше никому не станет, в том числе Андрею.

Услышав имя сына, Елена потянулась к сумке. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, куда Денис её поставил: сумка стояла у стены, на низкой скамье, и пришлось встать. Ноги неприятно затекли, колено задело стул с подарком, пакет упал набок. Она подняла его, поставила обратно и только после этого достала телефон. Денис следил за ней без видимого беспокойства, и именно это спокойствие заставило её поспешить.

— Я Андрею позвоню, — сказала Елена, разблокируя экран. Она не знала, что скажет сыну, только очень хотела услышать знакомый голос, который не будет объяснять ей, как удобно устроить её переезд. Палец дважды попал мимо нужного имени. — Он должен знать, что у нас происходит.

— Он знает, — ответил Денис. Он произнёс это почти буднично, лишь немного наклонив голову, чтобы встретиться с ней взглядом. — Я поговорил с ним заранее. Не хотел, чтобы на него всё свалилось неожиданно.

Елена нажала на имя сына раньше, чем успела решить, хочет ли ещё звонить. Длинные гудки шли один за другим, и с каждым становилось труднее стоять посреди кухни под взглядом Дениса. Она отвернулась к окну, за которым отражались стол, две лампы и её собственное лицо с нелепо приоткрытым ртом. На улице было уже темно, сад пропал за стеклом. Где-то у соседей коротко залаяла собака, и почти одновременно Андрей ответил.

— Мам, привет. Я как раз собирался тебе набрать, — ска-

зал он бодро, перекрывая шум машин. Елена услышала, как он чем-то зашуршал, потом голос стал ближе. — Ты дома? Как вы там? Папа говорил, вы сегодня ещё раз спокойно всё обсудите.

— Что обсудим, Андрюш? — Она прижала свободную ладонь к прохладному подоконнику. На нём стоял маленький горшок с базиликом, который Денис купил весной и забыл поливать; Елена каждый раз переставляла его поближе к свету. — Ты мне скажи, пожалуйста, что именно он тебе говорил. И когда.

— В воскресенье звонил. Сказал, вы уже давно об этом думаете, просто не хотели меня раньше времени расстраивать. — Андрей замолчал, прислушиваясь к её дыханию, и заговорил осторожнее. — Мам, я понимаю, тридцать лет всё-таки. Но если ты сама считаешь, что так лучше, я не буду вас уговаривать жить вместе ради меня. Мне не двенадцать.

Она посмотрела через плечо на Дениса. Он сидел всё так же ровно, лишь убрал со стола нож, которым резал лимон, и положил возле хлебной доски. Андрей что-то ещё говорил, но Елена пропустила несколько слов. В воскресенье они ездили покупать новые шторы для гостиной. Денис держал рулетку, пока она проверяла длину, а по дороге домой попросил заехать за кофе; оказывается, в тот же день у него нашлось время сообщить сыну, что она давно хочет развестись.

— Он сказал, что это я считаю? — спросила Елена. Ей пришлось откашляться, потому что голос неприятно сел. —

Что я предложила? Ты ничего не перепутал?

— Нет, мам, так и сказал. Ты будто бы первая заговорила, что вы оба устали и надо дать друг другу пожить отдельно. — Андрей на секунду прикрыл телефон, кому-то ответил и вернулся к разговору. — Я, честно, даже удивился, как он спокойно это принял. Думал, начнутся обиды, выяснения. А он сказал, вы нормально всё решаете, по-человечески. Ты только не переживай из-за меня, ладно? Я правда взрослый уже.

Елена закрыла глаза. Сын пытался её успокоить, и от этого было хуже, чем если бы он сердился: он успокаивал женщину, которой Денис разрешил стать свободной, поддерживал её будто бы принятое решение. Самой Елены, стоящей сейчас у окна и едва удерживающей телефон, в этом разговоре не было. Она хотела сказать, что ничего не предлагала, что всего несколько минут назад достала для отца подарок, что до сих пор не знает даже имени той женщины. Но за спиной тихо скрипнул стул, и Елена почувствовала, что расплачется сразу, как только попробует произнести всё это вслух.

— Я тебе потом позвоню, — сказала она. Елена открыла глаза, посмотрела на собственную руку на подоконнике и заметила, что пластырь отклеился у края. — Нам ещё нужно поговорить. Ты не волнуйся пока, Андрюш. Я просто хотела тебя услышать.

— Мам, точно всё нормально? — Теперь он уже не торопился, и Елена услышала в голосе знакомую тревогу. Она

помнила эту интонацию с тех времён, когда сын ещё жил дома и прибегал на кухню, услышав, как у неё падает посуда.
— Давай я приеду? Только Наташу отвезу и могу заскочить.

Елена отказалась, сама не понимая, почему. Наверное, не могла сейчас вынести ещё одного человека за этим столом, даже собственного сына, который приедет с готовыми отцовскими словами и станет спрашивать, что случилось. Она сказала, что поздно и говорить пока не о чем, хотя говорить было нужно обо всём. Андрей попросил обязательно перезвонить, и она пообещала, после чего ещё несколько секунд держала погасший телефон возле щеки.

— Зачем ты ему соврал? — спросила Елена, возвращаясь к столу. Она не села, остановилась за своим стулом и обхватила спинку так крепко, что заболели пальцы. — Ты сказал нашему сыну, что я захотела развестись. Я сегодня пришла домой и спросила тебя про поездку. Ты слышал, что я спрашивала?

— Слышал. И я не хотел делать тебе больно ещё и через Андрея. — Денис поднял на неё глаза; в его голосе появилась твёрдость, которой прежде не было. — Ты предпочла бы, чтобы он знал, что я ухожу к другой? Чтобы ему пришлось выбирать, кого жалеть и кого осуждать? Я оставил нам возможность сохранить нормальные отношения с сыном.

— Ты оставил себе такую возможность, — произнесла Елена. Она чувствовала, что начинает задыхаться от злости, и заставила себя разжать руки. — Меня ты даже не спросил.

Ни про Андрея, ни про эту квартиру. Ты со всеми поговорил, всё всем объяснил, а я тут должна только узнать, что теперь делать.

— Потому что я знал, какой будет первая реакция. — Денис отвёл взгляд к чайнику, затем снова посмотрел на неё. — Лена, мы сейчас именно это и делаем: ты обвиняешь, я оправдываюсь. Я не хочу так с тобой расставаться. Ты хороший человек, ты очень много сделала для нашей семьи, и я не собираюсь перечёркивать эти годы. Но чувства нельзя заставить остаться только потому, что скоро годовщина.

Она медленно села. Услышать, что она хороший человек, оказалось почти невыносимо; Елена вдруг ясно представила, как Денис произносит то же самое кому-нибудь из своих клиентов, отодвигает чашку, немного наклоняет голову. Люди действительно уходили от него спокойнее, иногда звонили потом с благодарностью. Он умел найти слова, после которых муж и жена переставали перекрикивать друг друга и хотя бы слушали. Елена гордилась этим его умением, рассказывала знакомым, как он много работает, а теперь сидела напротив и никак не могла добиться простого ответа на собственный вопрос.

— Как её зовут? — спросила она. Елена смотрела прямо на него и уже не пыталась скрыть слёзы, которые стояли в глазах, но никак не проливались. — Не объясняй мне больше, что я за человек. Скажи имя.

— Милена, — ответил Денис после небольшой паузы. Он

взял со стола ручку, повертел её между пальцами и положил обратно. — Ты её видела. Она работает со мной над новым проектом, занимается подготовкой. Лена, только не начинай сейчас вспоминать каждый случай, когда мы оказывались в одном помещении.

Елена вспомнила и без его разрешения. Милена приезжала зимой, в мягком светлом свитере, сняла сапоги у порога и спросила, можно ли остаться в носках, потому что в доме очень тепло. Елена тогда разогрела пирог, который собиралась оставить Андрею, достала третью чашку. Девушка — Елена именно так её и называла про себя — похвалила кухню, потрогала край льняной занавески и спросила, где такие продаются. Узнав, что Елена сшила их сама, удивилась с той лёгкой любезностью, которую удобно принять за искренний интерес.

— Та, которая здесь ела? — Елена услышала собственный голос и поняла, что всё-таки сейчас скажет что-нибудь грубое. Она посмотрела на тарелку с сыром, на аккуратные хлебные ломтики и отодвинула свою чашку ещё дальше. — Ты привёл её ко мне домой. Я её кормила, Денис.

— Она приходила по работе. И тогда мы действительно обсуждали работу. — Он сделал ударение на последнем слове, будто это объясняло всё остальное. — Я понимаю, как это выглядит для тебя сейчас. Но не надо превращать каждый обычный эпизод в намеренное унижение.

Елена вспомнила, как Милена ушла в кабинет, а Денис

попросил принести им ещё чай. Она сама поднималась, стараясь не стучать посудой, потому что у них шла запись, и в коридоре задержалась возле двери, ожидая, пока закончится разговор. Тогда ей было приятно, что у мужа всё развивается, появляются молодые деятельные сотрудники, которым интересно с ним работать. Елена провела ладонью по лицу, осторожно, чтобы не размазать тушь, и с удивлением обнаружила, что ей до сих пор важно, как она выглядит перед этим человеком.

— Сколько ей лет? — спросила она. Денис заметно напрягся, но Елена не дала ему начать привычное объяснение. Она подняла руку, останавливая, и повторила: — Просто скажи. Я не собираюсь ничего с ней делать.

— Тридцать пять. — Он произнёс это быстро, после чего потянулся к папке, будто ответ позволял наконец вернуться к делу. — Послушай, я не хочу, чтобы ты сейчас сравнивала себя с ней. Это не соревнование. У вас совершенно разная жизнь, разные потребности.

Елена опустила взгляд на свой заклеенный палец. Под край пластыря забилась тёмная ворсинка от ткани, и она принялась вынимать её ногтем, чтобы не смотреть на мужа. Разные потребности. Милена хотела заниматься интересным проектом, а Елена всего час назад хотела сесть за этот стол, снять туфли и уговорить Дениса поехать с ней к морю. Она не собиралась отнимать у него молодость, не просила доказывать любовь подарками, не устраивала сцен из-за поздних

возвращений. Сейчас ей вдруг стало жаль не прожитых лет вообще, а вполне определённых вечеров, когда она откладывала ужин и ждала, пока он закончит.

— Лен, давай я покажу тебе остальное, — сказал Денис. Он говорил уже тише, словно берег её силы, и Елена почти физически почувствовала, как устала сопротивляться этому ровному голосу. — Мне важно, чтобы ты поняла: я тебя не вычёркиваю. Мы можем пройти всё достойно. И для нас самих, и для Андрея.

Он перелистнул несколько страниц и развернул к ней другую часть папки. Наверху стояло её имя, полностью: «Елена Серова». Ниже были вопросы, короткие пояснения в скобках и выделенные другим цветом ответы. Елена сначала решила, что это какие-то заметки для разговора, и только потом увидела пометку возле первой строки: «Крупный план. Спокойная улыбка». Она провела пальцем вниз, пропуская вопросы, и остановилась на фразе о том, что благодарна Денису за честность.

— Что это? — спросила она. Елена подняла лист, потому что за бликом лампы было плохо видно нижнюю часть страницы. Под именем мужа стояло несколько длинных абзацев, под её именем — короткие, гладкие ответы. — Почему здесь написано, что я ему благодарна? Это я должна сказать?

— Это предварительный вариант интервью. Не цепляйся к каждому слову, всё можно поменять. — Денис чуть оживился, заметив, что она наконец смотрит в бумаги. — Мы

готовим серию встреч о расставании после долгого брака. Я тебе рассказывал. Не о скандалах и взаимных обвинениях, а о том, как люди сохраняют уважение, решают вопросы и живут дальше. Наш опыт мог бы стать хорошим началом.

Елена читала медленно. В одном ответе она будто бы говорила, что давно мечтала о собственном небольшом пространстве и муж помог ей решиться на перемены. В другом уверяла, что Андрей спокойно принял их общее решение. Ещё ниже стояла фраза о новой возможности уделять время себе; Елена перечитала её дважды, вспомнив, как сегодня просила всего неделю для поездки вдвоём. На полях чьей-то рукой было написано: «Здесь теплее. Без ощущения обиды».

— Я не говорила этого, — произнесла она. Елена посмотрела на Дениса, потом на лист, словно ему было достаточно показать очевидную ошибку. — Ничего из этого. Ни одного слова. Я не хотела маленькую квартиру, не предлагала тебе разводиться и не благодарила за честность.

— Именно поэтому это заготовка. Мы сядем, спокойно обсудим, уберём то, что тебе не подходит. — Он протянул руку к странице, но Елена удержала её у себя. Денис помедлил и положил ладонь на стол. — До запуска десять недель. Сейчас у тебя шок, а через какое-то время ты посмотришь иначе. Я не прошу завтра же выходить перед людьми.

— Ты просишь меня сказать, что я рада, — ответила Елена. Она положила лист поверх фотографий квартиры, и на секунду чужая зелёная кухня закрылась её собственным на-

печатанным именем. — Ты уходишь к другой женщине, а я должна помочь тебе рассказать, как хорошо ты со мной поступил. Это она написала?

Денис не ответил сразу. Впервые за весь вечер он посмотрел в сторону, на маленький пакет, который стоял на соседнем стуле, и Елена заметила, что он всё-таки прочитал название магазина. Ей захотелось убрать подарок, спрятать подальше от этой папки, но она не двинулась. Было слишком унизительно торопливо спасать запонки, которые она ещё недавно разглядывала у калитки, представляя, как обрадуется муж. Она оставила пакет на месте и дождалась, пока Денис снова посмотрит на неё.

— Милена готовила материалы, да, — сказал он. Денис провёл ладонью по затылку, пригладил волосы, хотя они и так лежали аккуратно. — Но содержание мы обсуждали вместе. Я отвечаю за то, что предлагаю. Не нужно сводить всё к ней, это мой проект и мои решения.

Елена смотрела на приписку о тёплой улыбке. Милена сидела где-то за столом и подбирала слова, которыми жена её любовника должна поблагодарить мужа за уход. Денис читал эти слова, исправлял, соглашался, потом распечатал и принёс домой. Елена попыталась представить, в какой момент он решил, что она это произнесёт, и не смогла; зато очень ясно вспомнила, как сегодня он помогал ей снять пальто, а она старалась повернуться так, чтобы поцеловать его в щёку.

— Нам не обязательно сейчас всё решать, — сказал Де-

нис, когда молчание затянулось. Он достал телефон, разблокировал его и открыл календарь. — Давай хотя бы договоримся, когда вернёмся к разговору. Завтра у меня свободно до обеда. Ты могла бы немного задержаться дома?

Елена посмотрела на экран, но цифры и цветные полоски встреч ничего ей не сказали. Она не хотела выбирать время, удобное для обсуждения её благодарности, и не знала, как объяснить это ещё проще. Денис положил телефон между ними, поверх края папки, будто предлагал ей самой найти подходящее место в его расписании. Чай давно остыл; на лимоне, оставленном возле её чашки, подсохла мякоть.

Экран коротко осветился новым уведомлением. Елена увидела имя Милены и две строки сообщения: «Денис, можно уже заказать новую кровать? Я в вашей спать не собираюсь». Наверху, в спальне, на Елениной стороне лежала раскрытая книга, а под подушкой — ночная рубашка, которую она утром не стала убирать в комод. Денис потянулся к телефону, но Елена уже прочитала всё.

Глава 2. Улыбнитесь здесь

Утром Елена долго не могла застегнуть манжету. Пуговица была маленькая, плоская, обтянутая той же тканью, что и блузка; ещё неделю назад она собиралась заменить её на более удобную, но всё откладывала. Теперь петля выскальзывала из пальцев, и Елена сердилась на эту нелепую задержку сильнее, чем следовало. Пришлось сесть на край кровати, положить руку на колено и заняться пуговицей так, как она занималась чужими сценическими костюмами: спокойно, не дёргая ткань, пока наконец не удалось продеть её насквозь.

Денис спал в кабинете. Накануне он сам унёс туда подушку и одеяло, сказав, что не хочет мешать ей отдыхать, а Елена даже не ответила. Она лежала на своей половине кровати, слышала, как внизу закрываются шкафчики, как работает вода, как муж кому-то негромко говорит по телефону, и несколько раз порывалась встать. Ей казалось, достаточно спуститься, задать ещё один вопрос, заставить его посмотреть на неё — и выяснится что-нибудь, что изменит весь вчерашний разговор. Потом она вспоминала сообщение о новой кровати и оставалась лежать.

На тумбочке стоял стакан, который Денис принёс перед тем, как уйти в кабинет. За ночь на воде осела маленькая пылинка, и Елена посмотрела на неё с непонятным раздражением: он даже здесь успел позаботиться, всё сделать акку-

ратно, оставить после себя убедительное свидетельство внимания. Она взяла стакан, отнесла в ванную и вылила воду. В зеркале над раковиной лицо выглядело усталым, но вполне обычным, и это немного успокоило её: по крайней мере, на работе не придётся сразу объяснять, почему она такая.

Когда Елена спустилась, Денис уже был одет. Он стоял в прихожей, проверял карманы пиджака и, увидев её, спросил, удалось ли поспать. Она кивнула, не желая рассказывать ни о бессоннице, ни о том, как под утро задремала на несколько минут и проснулась с привычной уверенностью, что рядом лежит муж. Денис сообщил, что ненадолго выйдет, и попросил её пока не торопиться.

— У меня работа, — ответила Елена, остановившись на последней ступеньке. Она держалась за перила, чувствуя ладонью гладкое дерево, которое сама когда-то выбирала по образцам. — Я к девяти собиралась выходить. Мы вчера ничего не решили про утро.

— Я помню. Долго не займёт, — сказал Денис, уже открывая дверь. Он обернулся так, словно хотел добавить что-нибудь ободряющее, но ограничился коротким кивком. — Выпей кофе. Я скоро вернусь.

На кухонном столе больше не было папки. Посуда была вымыта, лимон убран, даже стулья задвинуты, и только маленький пакет с запонками остался у стены, возле её сумки. Елена переставила его на подоконник за занавеску, чтобы не видеть название магазина, и включила чайник. Есть не хоте-

лось, но предстоял рабочий день, поэтому она достала хлеб, отрезала сыр и принялась жевать, стоя у столешницы. Хлеб казался сухим, хотя Денис купил его только вчера.

Она уже допивала кофе, когда услышала машину у ворот. Потом хлопнула дверца, за входной дверью раздался голос мужа и ещё один, женский, незнакомо бодрый в этой утренней тишине. Елена поставила чашку на стол прежде, чем успела понять, кого он привёл. В прихожей зашуршала одежда, и женщина негромко спросила, куда можно положить пальто.

Милена вошла на кухню с тонкой сумкой для ноутбука. На ней был светлый пиджак, под ним мягкая блузка без застёжки, волосы убраны за уши; на одной мочке качнулась маленькая золотая серьга, когда она повернула голову к окну. Елена заметила всё это с той ненужной сейчас точностью, с какой привыкла оценивать чужую одежду. Милена выглядела собранной, свежей, слегка торопящейся, будто приехала на обычную встречу, начало которой могли задержать бытовые мелочи.

— Елена, доброе утро, — поздоровалась она и улыбнулась. Милена остановилась у свободного стула, ожидая скорее разрешения положить сумку, чем приглашения остаться. — Мы ненадолго. Денис сказал, утром вам удобнее, пока вы ещё не уехали в театр.

Елена посмотрела на мужа. Он стоял возле холодильника, снимал часы и снова застёгивал ремешок, который, види-

мо, перекрутился под манжетой. Никакого смущения на его лице не было, только знакомая сосредоточенность человека, у которого несколько дел подряд. Елена перевела взгляд на Милену и поняла, что та уже отодвинула стул.

— Зачем вы приехали? — спросила она. Голос оказался ниже обычного, и Милена на мгновение перестала улыбаться. Елена не стала повторять приветствие, потому что не могла заставить себя произнести ничего вежливого. — Денис, я тебя спрашиваю тоже. Что здесь происходит?

— Мы договаривались вернуться к разговору утром, — ответил он. Денис наконец поправил часы и подошёл к столу. — Милене нужно понять, как двигаться дальше. Не пугайся, сегодня никто ничего не снимает. Просто посмотрим материалы, обсудим, что тебе не подходит.

— Мы не договаривались, — сказала Елена, глядя на него. Она помнила вчерашний календарь, телефон на краю папки и сообщение, которое он поспешил убрать. — Ты предложил. Я тебе не ответила. И я не приглашала её в дом.

Милена опустила сумку на стул и чуть повернулась к Денису. Это было короткое движение, почти незаметное, но Елена увидела, как она ждёт пояснения. Муж положил ладонь на спинку соседнего стула, словно приглашая всех сесть, и произнёс, что вчера разговор получился тяжёлым. Он говорил Милене о Елене, хотя та стояла в двух шагах и прекрасно всё слышала.

— Разумеется, за один вечер такие вещи не принимаются,

— отозвалась Милена. Она посмотрела на Елену уже внимательнее, но сумку не подняла. — Поэтому я и приехала, чтобы мы могли спокойно поговорить. В переписке всё выглядит жёстче, чем на самом деле. Можно я здесь расположусь?

Елена не ответила, а Милена приняла молчание за согласие. Достала ноутбук, несколько распечатанных страниц, аккуратно сложенную карточку с цветными фотографиями и положила всё на стол, подвинув Еленину чашку ближе к краю. Чашка оказалась там, где обычно стояла сахарница, и Елена зачем-то сразу вернула её на прежнее место. Милена отняла руку и сказала «извините» так легко, будто единственная неловкость утра состояла именно в этом.

— Я убрала часть текста, — сообщила она, раскрывая распечатку. На верхнем листе Елена снова увидела собственное имя. — Денис сказал, вчера вас смутили некоторые формулировки. Мы можем сделать ответы короче, оставить больше живого разговора. Вообще вам не нужно ничего учить наизусть.

— Мне нужно идти на работу, — ответила Елена. Она всё ещё стояла и чувствовала себя странно: будто пришла на чужую кухню и никак не может добиться, чтобы её выслушали. Милена подняла глаза, но Денис уже выдвинул для жены стул. — Я не собиралась обсуждать съёмку. Ни сегодня, ни вчера.

— Сядь на пять минут, пожалуйста, — попросил муж. Он не повышал голоса, даже отступил, чтобы не загораживать

ей проход. — Ты сейчас стоишь над нами, и разговор сразу получается какой-то напряжённый. Давай хотя бы попробуем нормально.

Елена села, сердясь на себя уже в тот момент, когда опускалась на стул. Спорить о том, стоять ей или сидеть, было унизительно, а Денис умел превращать именно такие мелочи в доказательство её нежелания разговаривать. Милена тут же придвинула карточку с фотографиями. На одной из них была женщина в светлом жакете, сидевшая возле окна, на другой — улыбающаяся пара за небольшим столом.

— По одежде лучше что-нибудь мягкое, светлое, — начала она. Милена говорила спокойно и быстро, водя пальцем по нижнему краю фотографии. — Без чёрного. Не потому, что вам не идёт, просто получится слишком печально. У вас наверняка есть светлая блузка, такая, в которой вам самой приятно на себя смотреть.

Елена опустила глаза на свои застёгнутые манжеты. Она почти полчаса собиралась утром, расчёсывалась, выбирала одежду, старалась выглядеть так, чтобы выдержать обычный день, а теперь любовница мужа объясняла ей, в чём приятнее смотреть на себя. Возразить можно было множеством способов. Елена могла сказать, что всю жизнь работает с одеждой, что не нуждается в советах, что пришла на кухню выпить кофе, а не понравиться этой женщине. Но из всех этих мыслей ни одна не показалась достаточно простой, чтобы быть услышанной.

— Вот здесь, — продолжала Милена, перелистывая страницу, — мы спрашиваем, что вы почувствовали, когда наконец приняли решение. Ответ можно вашими словами. Не обязательно говорить «облегчение», если оно вам пока не близко. Можно сказать, что появилась ясность. А после этого — улыбнитесь здесь, немного, не широко.

Она показала сама: чуть приподняла уголки губ, смягчила взгляд и задержала выражение на секунду. Елена смотрела на неё, не отрываясь. Милена, кажется, решила, что объяснение оказалось удачным, и обвела карандашом короткую пометку на полях. Денис при этом сидел рядом и молчал, наблюдая за женой с осторожной надеждой.

— Какое решение я приняла? — спросила Елена. Она положила ладонь на лист, останавливая его движение. Милена посмотрела сначала на её руку, потом в лицо. — Вы сейчас о чём меня спрашиваете? Я узнала вчера, что мой муж хочет уйти к вам.

— Елена, я понимаю, что это болезненно, — ответила Милена, медленно откладывая карандаш. В её голосе появилось терпение, от которого Елену сразу передёрнуло. — Но ведь такие вещи не возникают за один день. Денис говорил, что между вами уже давно всё изменилось. Наверное, вы оба это чувствовали, просто не сразу смогли назвать.

— Он вам говорил? — Елена повернулась к мужу, но тот смотрел на распечатку. Она снова обратилась к Милене, стараясь произносить слова раздельно. — А меня вы спросили?

Я вчера пришла и предложила ему поехать отмечать годовщину. У нас в субботу тридцать лет свадьбы. Это похоже на то, что я давно решила с ним расстаться?

Милена на мгновение прикусила губу. Денис поднял руку, собираясь вмешаться, но Елена не дала ему заговорить и попросила подождать. Ей было страшно, что, если он сейчас произнесёт своё привычное объяснение, разговор опять уйдёт куда-то в сторону, а она останется с собственным возмущением, которое никто не считает ответом. Она смотрела на Милену и ждала, пока та перестанет искать глазами Дениса.

— Когда у вас начались отношения? — спросила Елена. Чашка мешала руке, и она отодвинула её, не замечая, что кофе плеснул на блюдце. — Не когда у нас что-то изменилось, не когда мы якобы всё поняли. Когда вы начали встречаться с моим мужем?

— Я не думаю, что сейчас полезно разбирать даты, — ответила Милена. Она выпрямилась, положила обе руки на стол, и голос стал суше. — Я не приходила разрушать вашу семью. Денис объяснил мне, в каком состоянии ваши отношения. Он взрослый человек и сам принимает решения.

Елена вспомнила светлый свитер, в котором Милена приезжала зимой, её носки на кухонном полу, похвалу занавескам. Вчера эти воспоминания причиняли боль сами по себе, а сейчас хотелось наконец понять, что тогда происходило. Елена не требовала рассказа о чужой постели и не собиралась слушать признания в любви. Ей нужна была простая

граница между временем, когда она жила с мужем, которому верила, и временем, когда он уже приводил домой любовницу.

— Когда вы приезжали зимой, вы уже были вместе? — уточнила она. Милена отвела взгляд к окну, и Елена заметила, как сжались её пальцы возле карандаша. — Вы здесь сидели, ели мой пирог. Я вам чай носила в кабинет. Вы тогда уже с ним встречались?

— Лена, достаточно, — сказал Денис. Он произнёс это негромко, но так, что обе женщины повернулись к нему. — Милена пришла работать, а ты устраиваешь ей допрос. Я понимаю твою обиду, но не надо унижать человека, которого я пригласил в дом.

Елена посмотрела на него с таким изумлением, что на несколько секунд забыла вопрос. Он сидел в том самом месте, где Андрей когда-то делал уроки, пока она готовила ужин, и объяснял ей, что она недостаточно бережно обращается с его любовницей. Милена ничего не сказала, только убрала карандаш с края стола. Елена почувствовала, как под манжетой дрожит кисть, и прижала ладонь к колену, чтобы скрыть это хотя бы от неё.

— А со мной сейчас как обращаются? — спросила Елена. Она смотрела только на мужа, потому что ещё один спокойный взгляд Милены уже не выдержала бы. — Ты привёл её без предупреждения. Она выбирает мне одежду и учит улыбаться, когда я буду благодарить тебя за уход. Это нормаль-

но, Денис?

— Никто не заставляет тебя благодарить, если ты не готова, — ответил он. Денис потянулся к её чашке, заглянул внутрь и встал. — У тебя руки трясутся. Давай я воды налью. Мы можем сделать перерыв, никто никуда не гонит.

Он достал стакан из шкафчика, включил кран и подождал, пока вода станет прохладнее. Елена слышала этот ровный шум и ненавидела себя за то, что ей действительно хотелось пить. Милена отодвинула бумаги подальше от мокрого блюдца, аккуратно промокнула каплю салфеткой. Пока Денис ставил перед женой стакан, они оба были заняты вполне разумными, полезными делами, и только Елена сидела между ними, не в силах перестать дрожать.

— Не ставь передо мной воду вместо ответа, — сказала она. Елена взяла стакан и переставила на середину стола, поближе к мужу. — Я спросила, почему ты решил, что можешь привести её сюда. Почему сказал ей, что я согласилась?

— Потому что рассчитывал на разговор, — ответил Денис. Впервые за утро в голосе у него послышалось раздражение. — Я заранее организовал всё так, чтобы нам было проще. Ты сама вчера говорила, что не понимаешь, чего я от тебя хочу. Сейчас Милена объясняет. Если тебе не нравятся формулировки, их можно поменять.

Елена посмотрела на Милену. Та больше не могла считать, что перед ней женщина, согласившаяся после ночи размышлений: отказ был произнесён уже несколько раз и достаточ-

но ясно. Однако ноутбук оставался открытым, бумаги лежали между ними, а Милена, помолчав, снова взяла карандаш. Елена увидела это движение и поняла, что любовница услышала всё, просто не собирается придавать услышанному решающее значение.

— Давайте уберём благодарность совсем, — предложила Милена. Она зачеркнула строчку так ровно, будто исправляла обычную неточность. — Оставим только, что вы сохраняете уважение друг к другу. Это же правда? Всё-таки тридцать лет вместе. Невозможно, чтобы за один вечер от них ничего не осталось.

— Не вам мне это объяснять, — ответила Елена. Она забрала лежавшую перед ней страницу, перевернула и положила чистой стороной вверх. — Вы не знаете, что от них осталось. И я не просила вас находить за меня слова.

Милена поджала губы и повернула ноутбук к Денису. На экране мелькнули фотографии, несколько лиц, знакомая лестница их дома; Елена узнала снимок раньше, чем успела рассмотреть его целиком. Они стояли возле перил, Денис обнимал её за плечи, а она смеялась, потому что Андрей за кадром что-то говорил про отцовскую серьёзность. Сын снял их несколько лет назад перед семейным ужином. Елена помнила даже, как после снимка поправляла мужу воротник, который загнулся под её рукой.

— Откуда у вас это? — спросила она. Елена наклонилась, чтобы лучше видеть экран, и Милена невольно отодвинула

ноутбук. Денис перестал листать бумаги. — Это наши домашние фотографии. Зачем они вам?

— Денис прислал для оформления, — ответила Милена. Она открыла снимок целиком, словно его хороший вид должен был снять вопрос. — Здесь вы оба очень естественные. Такие фотографии лучше постановочных, сразу видно, что у людей была настоящая близость. Мы хотели начать с нескольких кадров из семейной жизни.

Елена смотрела на собственное лицо. На снимке она не пыталась выглядеть счастливой и не выбирала выражение, которое будет уместно перед чужими людьми. Денис стоял рядом, тепло и привычно прижимая её к себе, а она верила, что вечером они поужинают с сыном, проводят его, поднимутся наверх и лягут спать вместе. Милена подвинула изображение на экране, чтобы показать следующий кадр, и Елена резко выпрямилась.

— Закройте, — сказала она. Голос прозвучал достаточно громко, чтобы Милена убрала руку от ноутбука. Елена посмотрела на Дениса, затем снова на неё. — Я не давала вам фотографии. Не разрешала рассказывать обо мне. И участвовать в этом не собираюсь.

— Хорошо, фотографии пока уберём, — ответил Денис. Он достал телефон, быстро провёл пальцем по экрану. — Я создам нам общий разговор, Милена скинет материалы, ты посмотришь сама, без спешки. Сейчас ты просто не можешь всё воспринять. Никто не требует немедленного ответа.

Телефон Елены завибрировал в сумке. Она достала его и увидела новый разговор с коротким названием «Встреча»; кроме её имени, там были Денис и Милена. Почти сразу муж отправил сообщение, что здесь они смогут обмениваться замечаниями. Елена прочитала его, не садясь обратно. Ей снова предлагали ещё подумать, ещё посмотреть, ещё подобрать другое слово вместо уже произнесённого отказа.

— Ответ уже есть, — сказала она. Елена положила телефон на стол рядом со своей чашкой. — Милена, соберите вещи и уходите. Сегодня я вас не приглашала. Больше приезжать ко мне для таких разговоров не нужно.

Милена посмотрела на Дениса. На этот раз он не сразу нашёл, что сказать, только чуть приподнял брови, будто жена позволила себе что-то совсем неожиданное. Елена стояла возле собственного стула и чувствовала, как мокрая от кофе салфетка липнет к краю ладони. Она убрала её в сторону и дождалась, пока Милена начнёт закрывать ноутбук.

— Можно было сказать это спокойнее, — заметила та, складывая страницы. Её движения стали резкими, карандаш упал на пол, и она не сразу смогла его поднять из-за тесно придвинутого стула. — Я пришла не ссориться. Денис сказал, вы готовы обсуждать, а теперь получается, будто я навязалась.

— Теперь вы услышали меня сами, — ответила Елена. Она не помогла отодвинуть стул, хотя ещё минуту назад наверняка сделала бы это машинально. Милена выпрямилась,

положила карандаш в сумку и посмотрела на оставшуюся возле чашки страницу. — Этот лист оставьте. Здесь мои слова, которых я не говорила. Я хочу его сохранить.

— Это рабочий вариант, — вмешался Денис. Он потянулся к листу, но Елена положила на него ладонь, и муж остановился. — Лена, не нужно придавать ему такое значение. Мы ещё ничего не утвердили.

— Я тоже ничего не утверждала, — сказала она. Елена подняла страницу и сложила пополам, стараясь не смять влажный край. Ей было важно унести её с этого стола, где каждое ясное слово почему-то превращалось в предложение ещё немного поговорить. — Поэтому не говори больше, что я согласилась.

Денис проводил Милену в прихожую. Елена слышала, как открывается шкаф, как любовница просит передать пальто, а потом негромко, уже без прежней деловитости, говорит, что всё можно было организовать иначе. Ответа мужа она не разобрала. Елена посмотрела на часы и обнаружила, что давно должна была выйти, а кофе так и стоит недопитый, рядом с папками и стаканом воды.

Она открыла новый разговор в телефоне. Сначала написала длинное сообщение, объясняя, что вчера только узнала о намерении мужа развестись и не может обсуждать публичные выступления. Потом перечитала и убрала всё, что звучало как просьба дать ей время. Время здесь опять превратили бы в ожидание согласия, а она не хотела ни репетиции,

ни другой блузки, ни собственной фотографии между рассказами Дениса о хороших отношениях.

В итоге осталось несколько фраз: «Я не согласна участвовать в интервью и съёмках о нашем расставании. Не разрешаю использовать моё имя, фотографии и вымышленные ответы. Согласия на участие я не давала. Прошу больше не представлять меня участницей этого проекта». Елена перечитала сообщение ещё раз, убрала лишний пробел и отправила. Затем положила телефон на стол, чтобы не начать немедленно исправлять тон, извиняться за резкость и объяснять, что вовсе не хотела никого обидеть.

Когда Денис вернулся, его телефон уже был у него в руке. Он остановился у дверного проёма, дочитал и поднял на жену глаза. На этот раз спокойное выражение удержалось с трудом: Елена увидела, как напряглась нижняя челюсть, знакомое движение, которое раньше замечала только после неприятных рабочих звонков. Она застегнула сумку и положила внутрь сложенный лист.

— Зачем ты это написала? — спросил Денис. Он подошёл к столу и показал ей экран, словно она могла не знать, какие слова только что отправила. Елена посмотрела, затем вернулась к сумке. — Мы здесь всё обсудили. Для чего эта официальность между близкими людьми?

— Милена мне не близкий человек, — ответила она. Елена проверила, на месте ли ключи, и впервые не стала ничего добавлять, чтобы смягчить сказанное. Денис по-прежнему

ждал, поэтому она подняла голову. — А ты сегодня несколько раз сказал, что я согласилась. Теперь можешь прочитать, что я действительно сказала.

— Ты делаешь из нормального разговора неизвестно что, — произнёс он. Денис положил телефон на стол чуть сильнее, чем собирался, и сразу отодвинул его от края. — Милена потратила утро, я изменил планы. Мы оба приехали, чтобы тебе было понятнее и спокойнее. Можно было просто выслушать и потом решить.

Елена посмотрела на карточку с фотографиями, которую Милена всё-таки оставила возле сахарницы. Женщина в светлом жакете улыбалась с точно таким же выражением, какое ей предлагали повторить. Елена подняла карточку, положила на место Дениса и взяла сумку. Она уже действительно опаздывала, и впервые за это утро необходимость уйти на работу показалась спасительной.

— Я выслушала, — сказала она. Елена поправила ремень на плече и направилась в прихожую, не дожидаясь, пока муж разрешит закончить разговор. Он пошёл следом, остановился возле лестницы. — Сейчас мне нужно в театр. И сообщение я удалять не буду.

— Хорошо, иди, — ответил Денис. В его голосе снова появилась та уступчивая мягкость, от которой ей захотелось остановиться и закричать. Он открыл шкаф, достал её пальто и протянул, стараясь встретиться взглядом. — Только не принимай больше решений сегодня. Ты сама видишь, в ка-

ком ты состоянии.

Елена взяла пальто и надела без его помощи. Ткань подкладки зацепилась за манжету, пришлось высвободить руку, и Денис тут же потянулся поправить рукав. Она отступила, не резко, но достаточно, чтобы он остановился. Затем вышла на крыльцо, вдохнула холодный воздух и только за калиткой позволила себе задержаться, прежде чем идти к остановке.

По дороге она написала в мастерскую, что немного опоздает. Объяснять причину не стала, ограничилась просьбой оставить на её столе платье после вчерашней примерки. Тамара ответила почти сразу, спросила, всё ли в порядке, и Елена несколько минут смотрела на этот вопрос. Потом написала, что поговорят позже, убрала телефон и заставила себя следить за остановками, чтобы не проехать нужную.

В мастерской было тепло, пахло тканью и утюгом. На её столе лежало платье, поверх него — бумажка с двумя замечаниями, оставленными после репетиции. Елена сняла пальто, вымыла руки и несколько минут просто раскладывала инструменты, возвращая каждому предмету привычное место. Коллега спросила, не заболела ли она, и Елена ответила, что плохо спала; этого пока оказалось достаточно.

Работа не отвлекла её сразу. Несколько раз Елена ловила себя на том, что прислушивается к телефону в сумке, хотя он молчал, а однажды взяла нитку не того оттенка и заметила это только у окна. Она отложила катушку, нашла нужную и продолжила, не позволяя этой мелочи превратиться в под-

тверждение слов Дениса. Когда на примерку пришла актриса, Елена уже могла спокойно объяснить, что именно поправит, попросить поднять руку, повернуться, пройти несколько шагов. Никому здесь не требовалось, чтобы она улыбалась в правильно выбранном месте.

К вечеру усталость стала почти осязаемой: ныли плечи, хотелось снять обувь и хотя бы ненадолго перестать отвечать на вопросы. Елена задержалась после остальных, закончила работу на ближайшее утро и только потом достала телефон. Милена ничего не написала. От Дениса тоже не было ответа, и Елена несколько раз перечитала собственное сообщение, привыкая к тому, что оно существует и не требует дополнительных объяснений.

Андрей позвонил, когда она уже собиралась уходить. Елена остановилась возле стола, поставила сумку и ответила, стараясь не вкладывать в обычное приветствие всё накопившееся за день. Сын спросил, где она, и, услышав, что в театре, заметно обрадовался. Он сказал, что хотел поговорить без папы, чтобы никто никого не перебивал.

— Что у вас утром случилось? — спросил Андрей. На заднем плане было тихо, и Елена поняла, что он тоже выбрал время для отдельного разговора. — Папа звонил. Сказал, вы собирались обсудить всё спокойно, а ты вдруг отказалась от того, о чём уже договорились.

Елена опустилась на стул. На столе лежали ножницы, моток тесьмы и снятая с платья пуговица, которую нужно бы-

ло убрать в коробку. Она взяла пуговицу, покатала между пальцами и только после этого ответила. Ей не хотелось снова начинать с плача и оправданий, давать сыну возможность услышать прежде всего её состояние.

— Мы ни о чём не договаривались, Андрюш, — сказала она. Елена положила пуговицу в коробку и закрыла крышку. — Утром он привёл Милену. Ко мне домой, без предупреждения. Они объясняли, что я должна говорить на съёмке.

— Я понял, — ответил сын, но слишком быстро, прежде чем она успела продолжить. Елена услышала в этой поспешности желание скорее перейти к решению. — Мам, давай не по телефону. Я в субботу приеду, всё равно у вас годовщина. Сядем и поговорим втроём, нормально. Может, вы сейчас просто друг друга не слышите.

— Ты приедешь меня послушать? — спросила Елена. Ей самой не понравилось, как прозвучал вопрос, почти по-детски, но забрать его назад она не могла. Андрей помолчал, и она добавила тише: — Потому что у меня тоже есть что рассказать. Не только у папы.

— Конечно, мам. Обоих послушаю, — сказал он. Андрей постарался говорить теплее, и Елена почти почувствовала облегчение, пока он не продолжил. — Только ты до субботы ничего сгоряча не делай, ладно? Я папе пообещал, что поговорю с тобой. Он правда хочет всё уладить, просто ты сейчас очень обижена.

Елена сидела неподвижно, прижав телефон к уху. За сте-

ной кто-то выключил свет, под дверью исчезла узкая полоса, и мастерская сразу показалась слишком большой и тихой. Сын ждал ответа, а она смотрела на сложенный лист, торчавший из сумки рядом с кошельком: утром там предлагалось улыбнуться, после слов благодарности. Елена осторожно задвинула лист глубже и сказала Андрею приезжать.

Глава 3. Тридцать лет за одним столом

В субботу Елена проснулась без будильника и несколько секунд лежал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.